

Яо Цюнмин вышел, чтобы найти Ся Минфэн, и в кабинете воцарилась тишина, которую внезапно прервал взволнованный голос Чжоу Хэнцзюня. Он подался вперёд, не сводя глаз с собеседника:

— Слушай, а ведь мы могли видеться ещё в детстве! Если так подумать, наша встреча — это самая настоящая судьба, не находишь?

Юаньцзин невольно рассмеялся. В словах друга была доля истины, вот только если вспомнить его прошлую жизнь, та «судьба» обернулась для них обоих злым роком. Оба закончили свои дни на чужбине, в самом расцвете лет.

«Но в этой жизни всё иначе, — подумал юноша. — Тот тонущий ребёнок спасён, а Чжоу Хэнцзюнь жив и здоров»

— Да, — мягко ответил он. — Пожалуй, в этом действительно есть что-то судьбоносное.

Хэнцзюнь расплылся в довольной улыбке, думая про себя: «То-то мне этот лис сразу приглянулся! Видно, корни нашей дружбы уходят гораздо глубже, чем я предполагал».

Тем временем на первом этаже Ся Минфэн никак не могла прийти в себя. Она не ожидала, что Юаньцзин давно знает о своём происхождении. Сердце обливалось кровью от жалости к нему, но в то же время её переполняла гордость. В столь юном возрасте мальчик проявлял поразительную рассудительность и благородство. Она не могла не восхищаться — истинный сын своей матери, умён и умеет ценить доброту.

Первый порыв неистового волнения утих, и теперь женщина выглядела гораздо спокойнее. Ребёнок найден. Пусть они пока не могут открыто признать друг друга, она знает: её сын жив и вырос достойным человеком. Даже если он решит не возвращаться в её семью, она сможет быть где-то рядом, наблюдать за его успехами, видеть, как он взрослеет, строит карьеру и создаёт собственный дом.

— Он упомянул ту няню? — Ся Минфэн с содроганием восстанавливала в памяти события многолетней давности. Образ той женщины почти стёрся из её сознания. Тогда всё произошло слишком внезапно. Цзян Юйцзинь сразу же набросилась на неё с обвинениями, крича, что она плохая мать, променявшая ребёнка на карьеру. Старая госпожа тоже встала на сторону дочери, и Ся Минфэн, раздавленная горем и чувством вины, бросила все силы на поиски. Ей и в голову не пришло тогда проверять няню.

— Сяо Цзин прав... — она замялась, глядя на Яо Цюнмина. — Нужно начать расследование. Всё было слишком подстроено. И ещё... я хочу встретиться с четой Цяо. Хочу узнать, при каких обстоятельствах они нашли моего мальчика. Конечно, я не сделаю этого без его согласия, я не собираюсь заявляться к ним без предупреждения.

Яо Цюньмин, которому тоже не давали покоя тайны дома Цзян, кивнул:

— Я поговорю с ним.

Он понимал, почему она называет его «Сяо Цзин» вместо «Сяо Цяо». Фамилия Цяо принадлежала приёмным родителям, и, возможно, каждое её упоминание напоминало женщине о дне, когда она потеряла сына.

Проводив гостью, Яо Цюньмин поднялся в кабинет. Распахнув дверь, он застал племянника в самом благодушном настроении — тот буквально светился, глядя на Юаньцзина. Такой мягкости во взгляде Чжоу Хэнцзюня дядя не видел много лет.

Дядя Яо подумал, что переезд в Линьчэн был лучшим решением. Останься парень в столице, среди бесконечных интриг семьи Чжоу, он бы окончательно ожесточился и стал неуправляемым.

Вспомнив, что племяннику пришлось покинуть Пекин именно из-за внука семьи Цзян, Яо Цюньмин подумал, что возвращение Юаньцзина в родную семью будет весьма кстати. Он не верил, что старики Цзян продолжат так же сильно баловать внука по дочери, когда рядом будет их собственный, выдающийся прямой наследник. Пусть Вэй Цзябай и жил в их доме, но он носил фамилию Вэй, и бабушка Цзян наверняка захочет видеть рядом родную кровь.

Лишившись поддержки семьи Цзян, Вэй и его родня не смогли бы даже стать достойными противниками для семьи Яо. Мэр, как и его племянник, не питал ни капли симпатии к этим людям, включая Цзян Юйцзинь.

— Дядя?

— Дядя Яо?

Яо Цюньмин закрыл за собой дверь и передал Юаньцзину слова Ся Минфэн. Ситуация казалась ему ироничной: все участники драмы были под одной крышей, но ему приходилось бегать между этажами в роли посредника.

Юаньцзин не помнил подробностей своего усыновления. В деревне лишь шептались, что родители «привезли его откуда-то».

— Я выберу подходящий момент и поговорю с ними, — ответил он.

В душе он вздохнул. Отец и мать явно не хотели, чтобы он знал правду, но тайное всегда становится явным. И он предпочитал, чтобы этот разговор состоялся между ними лично, а не через чужих людей.

Чжоу Хэнцзюнь, недовольно покосившись на дядю, хлопнул друга по плечу:

— Я пойду с тобой. Помогу всё объяснить.

Юаньцзин улыбнулся:

— Нет, спасибо. Это дело семейное, я должен обсудить это с ними наедине.

Яо Цюнмин усмехнулся, глядя на племянника:

— И не вздумай соваться. Не твоё это дело.

Хэнцзюнь заметно сник, что вызвало у Яо Цюнмина приступ смеха. В столице у парня не было таких преданных друзей, а здесь он быстро сошёлся с Юаньцзином.

Между Юаньцзином и Ся Минфэн установилось негласное соглашение: пока он не поговорит с родителями, она не будет его торопить. Юноша не перестал приходить в дом к дяде Яо, и Ся Минфэн каждый день появлялась там же. Она старалась не мешать парням учиться, лишь бесшумно приносила им отборные фрукты и лучшие деликатесы из ресторанов. В первый же день она вручила сыну банковскую карту.

Денег у него хватало, но, увидев в её глазах робкую надежду и ту нерастраченную материнскую любовь, которая не находила иного выхода, он после недолгого колебания принял подарок. Лицо женщины мгновенно озарилось счастьем. Для неё это означало, что сын не отвергает её заботу.

Юаньцзин не спешил тратить средства. Вместо этого он через Хэнцзюня и сеть начал изучать бизнес-империю своей биологической матери, а заодно и информацию об отце.

Ся Минфэн сдержала слово: она не сообщила о находке никому из семьи Цзян, включая Цзян Хуна. Это доказывало, что интересы сына для неё теперь стоят гораздо выше всего остального.

Она даже начала учиться готовить у помощницы по дому. Когда она приносила перекусы, Юаньцзин замечал на её пальцах свежие ожоги от масла. Это бескорыстное стремление угодить трогало его до глубины души.

— Не стоит так усердствовать ради нас, — мягко сказал он ей однажды. — Я никуда не денусь. Если у вас есть дела — лучше займитесь ими.

Ся Минфэн несколько дней выглядела бледной, под глазами залегли тени — верный признак бессонницы. Юноша понимал, что она разрывается между ним и делами компании, но всё равно тратит время на кухне. Он всегда был падок на доброту, и её искренность пробивала его

защиту.

Услышав заботу в голосе сына, Ся Минфэн расцвела от радости:

— Всё в порядке! Дела можно вести и через интернет. Читайте, не буду вам мешать.

Она ещё раз ласково взглянула на него и вышла из комнаты.

Как только дверь закрылась, Хэнцзюнь скривился, словно от зубной боли, и тихо спросил:

— Ты что, реально собираешься признать её матерью?

Юаньцзин отправил в рот кусочек фрукта и с любопытством посмотрел на друга:

— Кровные узы никуда не денутся. Зачем сопротивляться очевидному?

Тем более, согласно его информации, эта женщина была такой же жертвой обстоятельств, как и он сам, и его приёмные родители. Он не хотел разбивать ей сердце.

Хэнцзюнь хихикнул:

— Если ты вернёшься в семью Цзян, будет весело. Тот пацан Вэй так задирает нос только потому, что у них нет других наследников. Он возомнил себя сокровищем. Твоё появление станет отличной мстостью за меня. Посмотрел бы я на его физиономию.

Юаньцзин лишь усмехнулся. Он не питал иллюзий насчёт атмосферы в доме Цзян. Если Вэй Цзябай вырос таким эгоистом, не знающим границ, то виноваты в этом были прежде всего старшие.

— Из того, что ты рассказал, я уже не в восторге от этой семейки. Представь: я прихожу, мы сталкиваемся с этим Вэем, у него случается очередной сердечный приступ, и чью сторону примут старики? Мою или его?

Хэнцзюнь нахмурился, представив эту картину. Он не решился утверждать, что Цзяны выберут друга. Всегда найдутся те, кто использует свои недуги как щит для тирании.

— Твоя правда. Тогда и не возвращайся к ним. Тётушка Ся последние годы прекрасно обходится без них, она точно будет на твоей стороне.

Про Цзян Хуна он промолчал — в его памяти тот остался человеком суровым, при котором даже капризный Вэй Цзябай не смел безобразничать.

Около трёх часов дня Хэнцзюнь на велосипеде провожал Юаньцзина домой. Ся Минфэн всегда выходила на крыльцо, провожая их долгим, тоскливым взглядом, пока они не скрывались из виду. Только тогда она возвращалась к работе.

Через несколько дней ей наконец удалось выйти на след той самой няни. Просматривая присланный отчёт, женщина почувствовала, как внутри закипает ледяной гнев.

Няню звали Ван Чжаоди. Имя, говорящее само за себя: в таких семьях ждали только сыновей. Когда она работала у Цзянов, ей было за тридцать. Её муж тогда покалечился, и она в одиночку кормила семью из пяти человек, едва сводя концы с концами.

Но теперь семья Ван Чжаоди считалась богатейшей в округе. Односельчане болтали, что она «сорвала куш», работая в городе. Вернувшись, женщина не только оплатила лечение мужа, но и выстроила огромный дом.

Даты в отчёте заставили Ся Минфэн вздрогнуть. Сын исчез, и тут же няня сказочно разбогатела.

«Если здесь нет связи, то я — не Ся Минфэн, — бушевала она. — Кто это был? Её собственная жадность или кто-то намеренно лишил меня ребёнка?»

Ярость требовала выхода. Если это был заговор, она не остановится ни перед чем, чтобы покарать виновных.

Была и ещё одна странность. Родная деревня няни находилась в той же провинции и в том же округе, что и родина четы Цяо. Всего лишь пара гор разделяла их.

Ся Минфэн готова была немедленно вызвать полицию, но вспомнила слова сына и сдержалась. Прежде чем мстить няне, она должна была поговорить с Юаньцзином и выяснить, как именно он попал к приёмным родителям.

В это время Хэнцзюнь уже докатил приятеля до его подъезда.

— Ну всё, иди домой, — сказал Юаньцзин, но Хэнцзюнь уже пристёгивал велосипед, явно намереваясь подняться следом.

— Ты чего?

— Буду тебе ассистировать. Овощи там почистить, помыть... — невозмутимо отозвался тот.

Юаньцзин прыснул:

— Ладно. Оставайся тогда на ужин.

— С радостью! — Хэнцзюнь просиял. Он всё ещё пытался держать марку холодного и крутого парня, не подозревая, что для друга он уже давно как открытая книга.

— Позвони своим, предупреди.

— Ага, уже звоню.

Поднимаясь по лестнице, парень сообщил экономке, что ужинать не придёт. Улыбка не сходила с его лица.

«Лис сам для меня приготовит! — ликовал он. — А это значит... ну, это что-то да значит!»

Отец и мать Юаньцзина уже привыкли к гостю. Они знали, что мальчишки проводят дни за учёбой, и встретили его очень тепло. Отец Цяо даже сбегал в магазин за свежими закусками.

Честно говоря, кулинарный талант Юаньцзина оставлял желать лучшего. Даже со всей своей аптекарской точностью он и близко не стоял к таланту Цзян Циншаня из прошлой жизни. Но Хэнцзюнь, домашний барин, который тяжелее ложки ничего не поднимал, и сам в готовке был профаном, так что придирались было некому.

Тем не менее, даже самую обычную еду родители ели с удовольствием, а Хэнцзюнь и вовсе уплетал за обе щеки, не скупясь на похвалу.

После ужина гость вежливо распрощался. Юаньцзин проводил его до подъезда и, дождавшись, пока тот уедет, вернулся в квартиру.

Отец и мать, закончив с посудой, уютно устроились в гостиной перед телевизором. В доме царил та особенная атмосфера тепла, которая бывает только в любящих семьях. Юноша чувствовал комок в горле. Он несколько раз открывал рот, но слова застредали.

Отец Цяо, наколотив горсть грецких орехов, пододвинул их сыну:

— Ешь, сынок. Для мозга полезно, ешь побольше.

— Пап, мам... вы тоже ешьте. — Голос юноши дрогнул.

Мать, заметив состояние сына, приложила ладонь к его лбу — жара не было:

— Сяо Цзин, что с тобой? Деньги закончились? Давай я тебе переведу.

Она уже потянулась за телефоном, но Юаньцзин остановил её:

— Нет, мам, денег у меня полно. Правда. Мам, пап... мне нужно вам кое-что сказать. Я не знаю, с чего начать.

Отец отложил щипцы для орехов и внимательно посмотрел на него:

— Что случилось? Кто-то обидел? Скажи мне, я им быстро мозги вправлю, пойду к их родителям.

— Да погоди ты, дай ему сказать, — мягко осадила его мать.

Юаньцзин взъерошил волосы. Это был самый сложный момент в его жизни. Он опустился на пол перед ними и взял их за руки:

— Пап, мам... Я помню, что говорили люди в нашей деревне, когда я был маленьким.

Родители вздрогнули и переглянулись. Они годами избегали поездок на родину именно из-за этих сплетен. Оказалось, сын всё слышал и всё это время помнил. Отец Цяо побледнел:

— Сяо Цзин, это всё пустые басни! Глупости! Ты был совсем крохой, мы сами тебя вырастили...

— Сяо Цзин, ты снова что-то услышал? — Голос матери дрожал от страха.

Юноша прижался лицом к их ладоням:

— Я знаю, что я вам не родной по крови. Но вы — мои единственные настоящие родители. Пожалуйста, не гоните меня. Я всегда буду с вами.

Мать всхлипнула, глаза её мгновенно наполнились слезами. Отец, едва сдерживаясь, положил вторую руку на голову сына:

— Ну что ты... Сяо Цзин, не плачь. Папа и мама любят тебя больше всех. Мы скорее сами уйдём, чем тебя прогоним. Ты наш самый дорогой ребенок.

Мать вытерла слезы:

— Сяо Цзин... тебя кто-то искал?

Отец заволновался:

— Да быть не может... столько лет прошло... Да и тогда...

— Что было тогда? — Юаньцзин поднял глаза. — Пап, мам, расскажите мне всё. Как именно я попал к вам?

Видя покрасневшие глаза сына, отец сдался. Он посмотрел на жену:

— Скрывать больше нечего. Мы и не собирались таить это вечно, просто ты был слишком мал. А дело было так...

Они начали вспоминать. В те годы они ещё не уехали на заработки. Мать никак не могла забеременеть, но они очень любили друг друга и решили: раз своих нет, возьмём сироту и вырастим как родного.

Отец помнил, что тот день был очень холодным. Он с мужиками из деревни ушёл в горы валить лес — кому-то понадобились бревна для стройки.

Глубоко в лесу он услышал детский плач. Бросившись на звук, он нашёл ребёнка. Малыш едва научился ходить, личико всё покраснело от холода, лобик горел. Мужики бросили работу и на руках понесли ребёнка в деревню. Оттуда — сразу в больницу и в полицию.

На следующий день повалил густой снег. Мать дежурила у кровати в больнице, и они с отцом до сих пор содрогались от мысли: опоздай они хоть на день, в снегопад в горы никто бы не пошёл. Ребёнок бы просто не выжил.

За те несколько дней в больнице они прикипели к малышу всей душой. Полиция так и не смогла найти его след — в округе никто не заявлял о пропаже. Когда встал вопрос, куда девать найдёныша, сердце подсказало им ответ. Так лесной найдёныш стал их сыном.

— Полиция тогда думала, что тебя украли где-то далеко и просто выбросили в лесу. Продолжали искать твои корни, поэтому тебя оставили у нас на месяц, а потом, когда поиски ничего не дали, разрешили оформить усыновление. Мы до сих пор клянём того подонка-торговца, который бросил живое существо умирать в горах.

— Мы почти год поддерживали связь с тем следователем, но новостей не было. А потом в деревне начались эти пересуды, условия там были плохие, и мы решили уехать. С тем полицейским мы ещё какое-то время переписывались, просили сообщить, если что-то всплывёт, но со временем всё затихло.

Последний камень упал с души Юаньцзина. Больше всего он боялся, что его родители были замешаны в покупке ребёнка. Но они спасли его. Спасли в лесу. Их любовь и это чудесное спасение были поистине велики. Они дали ему жизнь дважды.

— Спасибо вам. Если бы не вы, меня бы сейчас просто не было.

— Глупости не говори! — Мать легонько шлёпнула его по спине, запрещая так рассуждать. — Сами небеса решили, что ты наш сын. И точка.

<http://bllate.org/book/15835/1442482>